

«Красивая
и шокирующая
история,
которую следует
обязательно
прочитать».

ХЕЗЕР МОРРИС,
автор романа
«Татуировщик
из Освенцима».

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

ПРЕКРАСНАЯ
ЖИЗНЬ ЭДДИ ЯКУ
ВЫЖИВШЕГО
ВОСВЕНЦИМЕ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ NEW YORK TIMES BESTSELLER

Феникс. Истории сильных духом

Эдди Яку

**Самый счастливый человек
на Земле. Прекрасная жизнь
выжившего в Освенциме**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-94(94)

ББК 84(8Авс)-44

Яку Э.

Самый счастливый человек на Земле. Прекрасная жизнь выжившего в Освенциме / Э. Яку — «Эксмо», 2020 — (Феникс. Истории сильных духом)

ISBN 978-5-04-159807-5

Эдди Яку всегда считал себя в первую очередь немцем, а во вторую – евреем. Он гордился своей страной. Но все изменилось в ноябре 1938 года, когда его избили, арестовали и отправили в концлагерь. В течение следующих семи лет Эдди ежедневно сталкивался с невообразимыми ужасами, сначала в Бухенвальде, затем в Освенциме. Нацисты забрали у Эдди все – его семью, друзей и страну. Чудесным образом Эдди выжил, хотя это спасение не принесло ему облегчения. На несколько лет его охватило отчаяние... Но оказалось, что невзгоды не сломили его дух. В один прекрасный момент, когда у Эдди родился сын, он дал себе обещание: улыбаться каждый день, благодарить чудо жизни и стремиться к счастью. В этой книге, опубликованной в год своего 100-летнего юбилея и ставшей бестселлером во многих странах мира, Эдди Яку рассказывает свою полную драматизма, боли и мудрости историю о том, как можно обрести счастье даже в самые мрачные времена. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-94(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-159807-5

© Яку Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	10
Глава первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эдди Яку
Самый счастливый человек на Земле
Прекрасная жизнь выжившего в Освенциме

Eddie Jaku

THE HAPPIEST MAN ON EARTH:

THE BEAUTIFUL LIFE OF AN AUSCHWITZ SURVIVOR

First published 2020 in Australia by Pan Macmillan Australia Pty Ltd

Серия «Феникс. Истории сильных духом»

© Проворова И.А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

ЭДДИ ЯКУ (АБРААМ ЯКУБОВИЧ) родился в Германии в 1920 году.

10 ноября 1938 года наутро после еврейских погромов Хрустальной ночи Эдди был избит и доставлен в Бухенвальд.

Эдди смог освободиться и вместе с отцом тайно уехал в Бельгию, а затем во Францию, но был снова схвачен и отправлен в

Освенцим. По пути Эдди удалось бежать.

В октябре 1943 года Эдди вместе с родными был вновь арестован и заключен в Освенцим, где его родители были убиты.

В 1945 году нацисты отправили Эдди в «марш смерти» — пеший переход длиной сотни километров, во время которого умерли десятки тысяч заключенных, но он снова бежал, прятался и был наконец спасен американской армией.

С 1950 года Эдди и его жена Флора живут в Австралии, у них двое сыновей, внуки и правнуки.

Выступление в 2019 году на TED Talks сделало Эдди Яку одним из самых известных в мире людей, выживших в Освенциме.

В 2020 году вышли его воспоминания «Самый счастливый человек на Земле», которые стали международным бестселлером.

Для перехода к выступлению на TED Talks используйте QR-код

Дорогой новый друг!

Я прожил 100 лет и знаю, что значит смотреть злу прямо в глаза. Я видел худшую сторону человечества и ужасы лагерей смерти, видел, как нацисты пытались истребить весь мой народ и лишиться меня жизни.

Но сегодня я считаю себя самым счастливым человеком на земле.

За все эти годы я кое-что понял: жизнь будет прекрасна, если ты сам сделаешь ее прекрасной.

Я расскажу тебе свою историю, местами грустную, а порой и совсем мрачную. И все же это счастливая история, потому что счастье — это вопрос выбора.

Твоего выбора.

И я покажу, как его сделать.

«Ответ Австралии капитану Тому [Муру]... — это мемуары, воспевающие силу надежды, любви и взаимной поддержки»
THE TIMES

«Эдди заглянул злу в глаза – и сделал это, не растеряв природную доброту и оптимизм».

DAILY EXPRESS

«Я никогда не встречал Эдди Яку, но после прочтения его книги я чувствую, что нашел нового друга... Это прекрасная история по-истине удивительного человека».

DAILY TELEGRAPH

Будущим поколениям

Не иди за мной – может, я никуда не приведу.

Не иди впереди меня – может,

я за тобой не последую.

Просто иди рядом и будь моим другом.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Пролог

ДОРОГОЙ НОВЫЙ ДРУГ!

Я прожил целый век и знаю, что значит смотреть злу прямо в глаза. Я видел худшие стороны человечества и ужасы лагерей смерти. Видел, как нацисты пытались уничтожить мою жизнь и истребить весь мой народ.

Но сегодня я считаю себя самым счастливым человеком на земле.

За все эти годы я научился быть счастливым и понял: жизнь будет прекрасна, если ты сам сделаешь ее прекрасной.

Я расскажу тебе свою историю, местами печальную, а то и совсем мрачную, полную страданий и скорби. И все же это счастливая история, потому что счастье – это вопрос выбора. Твоего выбора.

И я покажу, как его сделать.

Глава первая

То, что дороже денег

Я родился в 1920 году в Восточной Германии в городе Лейпциге. Меня звали Абрахам Соломон Якубович. Но для друзей я был просто Ади. На английском мое имя звучит как Эдди. Так что, друг мой, зови меня Эдди.

Я вырос в большой любящей семье. Мой отец Исидор воспитывался вместе с четырьмя братьями и тремя сестрами, а мама Лина была одной из тринадцати детей. Представляете, какой сильной была моя бабушка, раз вырастила такую ораву! Первая мировая война отняла у нее сына – еврея, который пожертвовал жизнью ради Германии, а потом и мужа, который был военным капелланом, но тоже так и не вернулся с войны.

Мой отец был польским иммигрантом, но в конце концов прочно обосновался в Германии. И очень гордился, что стал гражданином именно этой страны. Уехав из Польши, он начал обучаться точному машиностроению на производстве пишущих машинок компании «Ремингтон». Отец хорошо владел немецким, поэтому ему предложили работу на немецком торговом судне, отправлявшемся в Америку. Он согласился.

Мы не отказывались от еврейских традиций, но свои сердца отдали Германии.

Торговля в Америке шла отлично, но отец сильно соскучился по семье. Он решил поехать в Европу и сел на другой торговый корабль, который прибыл в Германию как раз к началу Первой мировой войны. Из-за польского паспорта немецкие власти интернировали его, но, вскоре узнав, что он опытный механик, сняли все ограничения и отправили работать в Лейпциг, на предприятие по производству тяжелого вооружения. Именно тогда он влюбился в Лину, мою будущую маму, и в саму Германию. Когда война закончилась, он решил остаться здесь навсегда. В Лейпциге отец открыл фабрику, женился и вскоре на свет появился я, а спустя два года – моя младшая сестра Йоханна, которую мы звали просто Хенни.

В жизни тогда царила гармония. И я ощущал ее, хотя был еще ребенком.

Ничто не могло поколебать патриотизм и гордость моего отца за Германию. И он передал эти чувства нам, своим детям. В первую очередь мы считали себя немцами, во вторую – тоже немцами, и только потом евреями. Религия была для нас не столь важна: куда важнее было оставаться достойными жителями нашего любимого Лейпцига. Нет, мы не отказывались от еврейских традиций, но свои сердца отдали Германии. Я, как и отец, очень гордился своим родным городом, который восемьсот лет оставался центром культуры и искусств: здесь был один из старейших в мире симфонических оркестров, здесь черпали свое вдохновение композиторы Иоганн Себастьян Бах, Роберт Шуман, Феликс Мендельсон, писатели, поэты и философы – Гёте, Лейбниц, Ницше...

В течение многих веков евреи были вплетены в самую ткань лейпцигского общества. Со времен Средневековья базарный день в городе проводился в пятницу, а не в субботу, чтобы в нем могли участвовать еврейские торговцы. Многие знают, что в субботу у нас Шаббат и работа под запретом. Уважаемые еврейские горожане и филантропы, как и все еврейское сообщество в целом, вносили немалый вклад в создание общественных благ, строили прекраснейшие в Европе синагоги. В жизни тогда царила гармония. И я ощущал ее, хотя был еще ребенком.

В пяти минутах от нашего дома находился зоологический сад, известный своей уникальной коллекцией животных. И своим рекордом: здесь в неволе появилось на свет больше львов, чем в каком-либо другом зоопарке мира. Можете себе представить, как это восхищало маленького мальчика?! Дважды в год в городе проходили большие ярмарки, куда мы ходили с отцом, – те самые знаменитые ярмарки, которые сделали Лейпциг одним из самых развитых и богатых городов Европы. Мало того, местонахождение и значение Лейпцига как торгового города превратили его в нечто вроде обменного пункта, куда со всего мира стекались и откуда по всему миру распространялись всевозможные новые идеи и новые технологии. Местный университет – второй в истории Германии – был основан в 1409 году. Первая в мире ежедневная газета была напечатана в 1650 году именно в Лейпциге – городе книг и музыки. Впечатляет, не правда ли? Вот и я, когда был мальчишкой, искренне верил, что стал частью самого просвещенного, самого культурного и уж точно самого образованного общества в мире. Как же я ошибался!

*Возвращаясь с холодной улицы, мы усаживались на подушки и грелись
возле печи.*

Расскажу, как тогда жила наша семья. Мы всегда ходили в синагогу. Ели только кошерные продукты и блюда – ради мамы: она старалась строго придерживаться традиций, чтобы, в свою очередь, не расстраивать свою маму – мою бабушку, которая жила вместе с нами и была очень религиозной. Каждый вечер пятницы, в канун Шаббата, мы собирались на особый ужин, где читали молитвы и ели традиционные блюда, с любовью приготовленные бабушкой. Готовила она в огромной дровяной печи, которая также согревала дом: система труб была устроена таким хитрым образом, что они проходили через все помещение, задерживая в нем тепло и выводя наружу дым. Возвращаясь с холодной улицы, мы усаживались на подушки и грелись возле печи. На колени ко мне пристраивалась, сворачиваясь калачиком, моя собака – щенок таксы по имени Лулу. Как драгоценны были эти вечера!..

Чтобы обеспечить семье достойную и комфортную жизнь, отец много работал. Но вместе с тем уже тогда старался вложить в наши головы мысль, что материальные блага – далеко не самое главное в жизни. В канун Шаббата мама всегда выпекала три или четыре халы – это очень вкусный церемониальный хлеб, который мы ели в особых случаях. В шесть лет я вдруг заинтересовался, почему в нашем доме хлеба выпекается так много – нам самим столько не съесть! Когда я спросил об этом отца, он объяснил, что отнесет оставшийся хлеб в синагогу и раздаст нуждающимся. Отец очень любил свою семью и своих друзей, которых часто приглашал разделить с нами ужин, хотя мама упорно повторяла, что за нашим столом больше пяти человек поместиться не могут.

«Если тебе посчастливилось обзавестись хорошим домом и деньгами, ты можешь позволить себе помочь тем, у кого этого нет, – говорил мне отец. – Мы для этого и живем – чтобы делиться своей удачей». А еще он утверждал, что отдавать куда приятнее, чем получать, и что друзья, семья и доброта гораздо дороже денег. И сама жизнь человека несоизмерима с его банковским счетом. Несоизмерима, потому что бесценна. Тогда я подумал: что такое он говорит? Может, он сошел с ума? А теперь, после всего что пережил, я *знаю*, как он был прав...

Однако и наша счастливая семейная жизнь в Лейпциге была отнюдь не безоблачной. Для Германии настали тяжелые времена. Последняя война была проиграна, а экономика разрушена. Союзники требовали больших репараций, чем Германия могла выплатить, и 68 миллионам человек (столько составляло тогда население страны) пришлось очень нелегко. Повсеместная бедность и нехватка продуктов питания и топлива стали для гордого немецкого народа настоящим испытанием. Хотя мы были обеспеченной семьей из среднего класса, нам тоже не всегда удавалось найти все необходимое – даже за деньги. Мама проходила много километров

до рынка пешком, чтобы обменять сумочки и одежду, которые успела купить в лучшие времена, на хлеб, масло, молоко или яйца. Перед моим тринадцатым днем рождения отец спросил, что я хочу получить в подарок, и я попросил шесть яиц, буханку белого хлеба – его было трудно найти, поскольку немцы предпочитают ржаной, – и ананас. Шесть яиц представлялись мне настоящей роскошью, а ананас я вообще никогда в жизни не видел. И отец его каким-то образом отыскал – понятия не имею как, но это был мой отец! Он делал то, что казалось невозможным, просто чтобы увидеть улыбку на моем лице. Я так обрадовался, что съел за один присест и яйца, и ананас. Никогда у меня не было столько дорогой еды! Мама просила меня притормозить, но разве я послушался? Конечно нет!

Инфляция была ужасная. Запастись продуктами длительного хранения или запланировать что-то на будущее было практически невозможно. Отец возвращался с работы с полным чемоданом денег, которые к утру уже ничего не стоили. Отправляя меня в магазин, он говорил: «Купи, что сможешь! Будет шесть буханок хлеба – бери все. Завтра уже ничего не купишь». В униженных немцах закипала злоба. Они совсем отчаялись и были готовы принять любое решение своих проблем. И решение нашлось – у нацистской партии во главе с Гитлером. Они нашли врага...

Раввин нашего шула проявил большую дальновидность, сдав квартиру под синагогой нееврею, сын которого служил в СС. Во время антисемитских погромов этот парень всегда следил, чтобы жилище его отца не трогали, а значит, и шул над ней тоже.

Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, нахлынула волна антисемитизма. В тринадцать лет мне по традиции предстояло пройти *бар-мицву* – древнюю религиозную церемонию в честь совершеннолетия. Бар-мицва, что означает «сын заповеди», обычно сопровождается грандиозным праздником с танцами и вкусным угощением. В лучшие времена моя бар-мицва прошла бы в большой Лейпцигской синагоге, но с приходом к власти нацистов это было запрещено. Поэтому ее провели в маленькой синагоге в трехстах метрах от нашего дома. Раввин нашего шула (другое название синагоги, буквально «дом книг») проявил большую дальновидность, сдав квартиру под синагогой нееврею, сын которого служил в СС. Во время антисемитских погромов этот парень всегда следил, чтобы жилище его отца не трогали, а значит, и шул над ней тоже. Нельзя было разрушить шул без большого ущерба для квартиры на нижнем этаже.

Итак, моя бар-мицва. Церемония прошла, как и полагается, с зажжением свечей и молитвами за семью и за тех, кто нас покинул. После нее я стал считаться человеком, преданным еврейским традициям и ответственным за свои действия. Неудивительно, что я задумался о будущем...

Когда я был младше, то мечтал стать врачом, но оказалось, что у меня способности к другому. Тогда в Германии были центры, где с помощью тестов на память и ловкость рук выявляли способности школьников. Тесты показали, что у меня способности к визуальному восприятию и математике, что я обладаю прекрасным зрением и отличной зрительно-моторной координацией. То есть у меня есть все задатки к тому, чтобы стать хорошим инженером. И я решил изучать инженерное дело.

Учился я в очень хорошей школе, в красивом здании с вывеской «32 Volksschule», которое находилось в километре от нашего дома. Я добирался туда за пятнадцать минут, а зимой еще быстрее! Лейпциг – холодный город, река в нем на восемь месяцев в году покрывалась льдом, и я доезжал до школы на коньках минут за пять.

Как раз в 1933 году я окончил школу и поступил в гимназию имени Лейбница. Если бы события развивались иначе, наверное, я проучился бы в ней до восемнадцати лет, но этого не произошло.

Однажды я пришел в гимназию и мне сообщили, что я исключен. Меня выгнали за то, что я еврей.

Однажды я пришел в гимназию и мне сообщили, что я исключен. Меня выгнали за то, что я еврей. Мой отец – упрямый человек с большими связями в Лейпциге – не мог с этим смириться, и вскоре у него появился новый план, как дать мне образование.

«Не волнуйся, – сказал он. – Ты продолжишь учиться. Я об этом позабочусь».

Он реализовал свой план. Мне сделали фальшивые документы, и благодаря другу нашей семьи я был зачислен в Jeter und Shearer – машиностроительный колледж в Тутлингене, городе, расположенном далеко к югу от Лейпцига. В то время этот город являлся мировым центром машиностроения и точной механики. Здесь создавались всевозможные невероятные устройства, промышленное оборудование, сложная медицинская техника. Помню, меня особенно впечатлила технологическая линия обработки птицы: на ее финальном этапе обычные курицы выходили с конвейерной ленты ошипанными, промытыми и даже упакованными. Уму непостижимо! И я мог научиться делать подобные устройства, получив лучшее в мире инженерное образование! Для поступления в колледж пришлось сдать несколько экзаменов, и я так нервничал, что постоянно вытирал лоб, чтобы пот не капнул на мою работу и не испортил ее. Я так боялся подвести отца!

В колледж меня зачислили под именем Вальтер Шляйф – как немецкого сироту-нееврея, у которого не было причин волноваться из-за назначения Гитлера канцлером Германии.

В колледж меня зачислили под именем Вальтер Шляйф – как немецкого сироту-нееврея, у которого не было причин волноваться из-за назначения Гитлера канцлером Германии. Это имя не являлось выдуманным: Вальтер Шляйф был вполне реальным немецким мальчиком, пропавшим без вести. Скорее всего, его семья покинула Германию, когда к власти пришли нацисты. Удостоверение на имя Вальтера Шляйфа изготовил для меня отец, которому удалось достать чистые бланки документа, – подделка у него получилась очень качественная. В то время в немецкие удостоверения личности вставлялись крошечные фотографии, которые можно было увидеть лишь с помощью инфракрасного излучения, что еще больше осложняло изготовление подделки. Но у отца, благодаря его работе с пишущими машинками, был доступ к необходимым технологиям и инструментам.

Так началась моя новая жизнь. От Тутлингена до Лейпцига было девять часов езды на поезде. Путь неблизкий, да и тот был мне заказан. Ведь я должен был хранить свой большой секрет. И заботиться о себе теперь приходилось самому. Я ходил на учебу каждый день, а ночевал в находившемся поблизости детдоме, в спальне, которую делил с мальчиками старше меня. Я получал небольшую стипендию и тратил ее на покупку одежды и других предметов первой необходимости.

Под маской Вальтера Шляйфа мне жилось одиноко: я никому не мог сказать, кто я на самом деле, и никому не мог довериться.

Что и говорить, под маской Вальтера Шляйфа мне жилось одиноко: я никому не мог сказать, кто я на самом деле, и никому не мог довериться. Раскрыв свое еврейское происхождение, я подверг бы себя опасности. Особую осторожность следовало соблюдать в душе и туалете: нельзя было допускать, чтобы другие мальчики заметили, что я обрезан. Можете себе представить, о чем мне приходилось заботиться?

Я связывался с семьей крайне редко. Писать письма было небезопасно, а звонил я с телефона, находившегося в подвале универмага, до которого добирался длинным и запутанным путем, чтобы меня точно никто не смог выследить. Каждый редкий разговор с родными разбивал мне сердце. Нет слов, чтобы выразить, как тяжело тринадцатилетнему подростку оказаться вдали от дома, чтобы не упустить единственную возможность получить образование и обеспечить себе будущее, которого желает для него отец! Но я терпел – ведь подвести семью было бы еще хуже.

Когда я жаловался на одиночество, отец призывал меня быть сильным. «Знаю, Эдди, как трудно тебе приходится, но когда-нибудь ты меня поблагодаришь», – говорил он. Только много позже я узнал, что отец, такой стойкий в минуты этих разговоров, едва повесив трубку, плакал как ребенок. Он храбрился, чтобы я стал храбрее.

...Я буду благодарить его за все, что он для меня сделал, до конца жизни. Без того, чему я научился в колледже, я бы ни за что не справился с тем, что ждало меня впереди.

ПРОШЛО ПЯТЬ ЛЕТ. Пять лет неустанной работы и одиночества.

Я притворялся другим человеком с тринадцати с половиной до восемнадцати лет. И все это время хранил свой секрет. Это было тяжелое бремя. Не было минуты, чтобы я не тосковал по семье. Но старался держаться стойко, понимая, как важна для меня учеба.

В последние годы обучения я работал в компании, производившей рентгеновское оборудование, – его изготовление требовало особой точности. Я должен был не только овладеть теорией, техническими знаниями, но и показать, что способен применять их на практике. Днем я работал, вечером учился. Среда являлась единственным днем недели, который я мог полностью посвящать учебе.

Я притворялся другим человеком с тринадцати с половиной до восемнадцати лет.

А знаешь, мой друг, несмотря ни на что, мне нравилось получать образование. Мастера, у которых я обучался, были людьми выдающегося ума и виртуозных умений. Казалось, они могут сотворить все что угодно – от мельчайших шестеренок до гигантских машин, воплощавших в себе наивысшие достижения технического прогресса. Было в этом что-то от волшебства. Германия шла в авангарде промышленной и технологической революции, которая обещала улучшить качество жизни миллионов людей, и я был на переднем крае.

В 1938 году, едва мне исполнилось восемнадцать, я сдал выпускные экзамены и был удостоен звания лучшего ученика года. Меня пригласили вступить в профсоюз. Профсоюзы в Германии были тогда не такими, как сейчас. Основным направлением их деятельности являлось не столько улучшение условий труда и увеличение зарплаты, сколько профессиональный уровень работников, совершенствование их мастерства. В профсоюз приглашали лишь лучших в своей профессии. Это была организация, объединявшая высококлассных специалистов, которые сотрудничали, чтобы продвигать вперед науку и промышленность. Классовая принадлежность и вероисповедание в профсоюзе не имели значения, на первом месте стояла сама работа. Поэтому получить приглашение в профсоюз в моем возрасте действительно было большой честью.

Церемония вступления в профсоюз проводилась с большой торжественностью. Здесь даже лучше подойдет слово «посвящение», а не «вступление». Я предстал перед собравшимися, чтобы публично принять благодарность за свои профессиональные успехи от Мастера – главы Союза точного машиностроения, который был одет в традиционную синюю мантию с красивым кружевным воротником.

«Сегодня мы принимаем ученика Вальтера Шляйфа в один из лучших профсоюзов Германии», – объявил он. И я сразу же разрыдался. При всех!

Мастер слегка встряхнул меня за плечо и попытался успокоить: «Да что случилось? Ведь это один из лучших дней твоей жизни! Ты должен гордиться!»

Но я был безутешен. Мне было невыносимо грустно из-за того, что рядом нет моих родителей. Я так хотел, чтобы они увидели, чего я достиг, и чтобы мой наставник понял, что я не несчастный сирота Вальтер Шляйф, а Эдди Яку, у которого есть любящая семья. И что мне очень-очень больно находиться вдали от них!

Я дорожу знаниями и опытом, которые получил в те годы. Но всегда буду сожалеть, что находился тогда вдали от семьи. Как говорил мой мудрый отец, в мире есть много такого, чего не купишь ни за какие деньги, потому что это бесценно. И это семья в первую очередь, семья во вторую очередь. И в последнюю – тоже семья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.